

– Уважаемый Ивайло, ваше имя давно уже известно в писательском сообществе обеих наших стран – Болгарии и России. Вы профессор Шуменского университета имени епископа Константинина Преславского, член Союза писателей России, автор книги «Проза Василия Шукшина: художественный мир писателя», признанной лучшей научной монографией о творчестве Шукшина в Европе, а также книг о прозе Юрия Дружниковца и поэзии Юрия Кузнецова, написанных в соавторстве с Лолой Звонаревой. Одним словом, вы работаете на благо сразу двух литератур – русской и болгарской. Как вы пришли к такой своей литературной судьбе?

– Много лет тому назад мне пришлось сопровождать члена Политбюро Болгарской коммунистической партии Йордана Йотова, и в разговоре он поделился древней мыслью: «В этом мире нет ничего случайного». Именно так и сложилась моя жизнь. Я приехал в Ленинград 1 октября 1974 года и стал аспирантом кафедры советской литературы тогдашнего Ленинградского университета. 2 октября умер Василий Макарович Шукшин. Перед поездкой в Советский Союз я прочитал потрясающий текст того же Шукшина в «Литературной газете» «Кляуза. Опыт документального рассказа». Когда заведующий кафедрой профессор Л.Ф. Ершов предложил мне писать диссертацию по творчеству Шукшина, я с радостью согласился.

Середина 70-х была интереснейшим периодом в развитии русской литературы. Ажиотаж вокруг творчества Шукшина был огромен. Нелучайно мой будущий друг, критик Лев Аннинский, написал, что за полтора года о Шукшине было написано больше, чем за 15 лет его работы в литературе. Собираюсь как-то более подробно написать об этом.

Жить в Ленинграде и не окунуться в огромный культурный мир этого города было невозможно. Когда сдал текст своей диссертации, мой друг, писатель Владимир Соломонович Бахтин, предложил мне пожить неделю в Доме писателя в Комарове. А жить там и не посетить могилу Анны Ахматовой – тоже невозможно. Вот так начался мой профессиональный интерес к русской литературе.

Конечно, многое пропустил! Ведь тогда была жива Ольга Берггольц, в Географическом обществе читал лекции Лев Николаевич Гумилев, которого я видел на 90-летию его матери. В Доме писателя в Ленинграде можно было увидеть живых классиков – таких, как Даниил Гранин.

В ЛГУ я слушал спецкурсы легендарных профессоров. Благодаря моим друзьям познакомился со многими писателями и поэтами. Потом довелось встретиться с супругой Шукшина Лидией Федосеевой, которую приветствовал у трапа самолета в Болгарии, с оператором Анатолием Заболотским и Владимиром Крупиным; сидел за одним столом с Сергеем Залыгиным, автором великолепной статьи о Шукшине Человек в кирзовых сапогах». Думаю, что все эти встречи не были случайными.

В начале 90-х оказался в Екатеринбурге. Первое место, которое посетил, была тогдашняя часовня на месте Ипатьевского дома. На вопрос моих друзей, с кем бы хотел встретиться в Екатеринбурге, ответил сразу: с Николаем Колядой и Ольгой Славниковой. Состоявшаяся встреча с этими авторами дала мне много. Примерно в это же время познакомился в городе Шумене с Лолой Звонаревой, и начались ежегодные поездки в Россию. Благодаря Лоле Уткировне познакомился с Юрием Дружниковым, вместе принимали участие в работе научных конференций, посвященных Юрию Кузнецову... и так далее. Об этом могу рассказывать долго.

Жалко, что, общаясь с Риммой Федоровной Казаковой, не записал все ее мудрые слова. Слава богу, напечатал в Болгарии монографию Лолы Звонаревой и Таисии Вечериной «Труды и дни Риммы Казаковой: «Отечество, работа и любовь...»», посвященную жизни и творчеству замечательной поэтессы. И не могло быть иначе – как и многие русские поэты и писатели, Римма Федоровна любила повторять: «Я люблю тебя, Болгария!»

– Вы – знаток русской литературы, и классической, и современной. Кто из русских писателей второй половины двадцатого века и первого десятилетия века двадцать первого наиболее близок вам? Какие новые имена удивили вас и привлекли ваше внимание?

– Чтобы ответить на этот вопрос, как отметил поэт Владимир Соколов, надо написать диссертацию. В середине 60-х годов у нас можно было свободно купить роман Булгакова «Мастер и Маргарита». В середине 70-х огромной популярностью пользовалось творчество Валентина Пикуля. Потом, во времена перестройки, нас потрясли произведения Андрея Платонова, роман Замятина «Мы», поэма Ахматовой «Реквием», повесть «Собачье сердце» Булгакова и вся эта «погашенная литература». У нас был хорошо известен Солженицын, о повести «Один день Ивана Денисовича» много писали. Потом по указке партии сразу отrekliсь от этого автора, хотя в библиотеках спокойно можно было прочитать «Матренин двор» и другие рассказы Солженицына. На рубеже веков огромным спросом пользовалась литература русской эмигрантской диаспоры. Конечно, начиная с 70-х годов XX века интерес к сочинениям Ивана Бунина и Алексея Ремизова был понятен, хотя с «Окаянными днями» удалось познакомиться уже в 90-х годах XX века.

Долгое время и у нас считали, что нет современной русской литературы. Что делать, Есенин оказался прав: «Большое видится на расстоянии». Может быть, сказало увлечение печатать преимущественно писателей второй и третьей волны русской эмиграции. Считаю своей заслугой популяризацию творчества Александра Потемкина – мой перевод его повести «Я» оказался и первым переводом его творчества в мире. Первая книга Юрия Дружникова в Болгарии тоже издана мною. Я близко знаком с писателем Александром Кабаковым, манеру его

письма, особенно романа «Все поправимо», считаю художественным открытием.

Вспоминаю первое знакомство с произведениями Виктора Пелевина, с прозой Виктора Ерофеева, со скандальными сочинениями Венедикта Ерофеева и Виктора Ерофеева, с романом «Это я – Эдичка» Эдуарда Лимонова. Как и многие читатели, и я не прошел мимо творчества остросюжетных писателей Александры Марининой и Бориса Акунина.

В 2003-м году я принимал участие в научной конференции в ИМЛИ, посвященной 100-летию со дня рождения Гайто Газданова, являюсь представителем Общества друзей Газданова в Болгарии. В начале 20-х годов XX века Гайто Газданов учился в Шуменской русской гимназии.

Убежден, что существует настоящая современная русская литература. Жаль, что сейчас трудно доставать книги всех популярных русских авторов. Зато возможно через интернет общаться с писателями такой величины, как Марк Сергеевич Харитонов. В Нижнем Новгороде познакомился с писателями Санкт-Петербурга – Даниэлем Орловым и Владимиром Шпаковым, послушал живого Виктора Ерофеева, и еще много было интересных встреч. Познакомился и с вами, уважаемая Елена Крюкова. Надеюсь, что у меня будет возможность прочитать еще много великолепных страниц современной русской литературы.

– **Болгария – прекрасная страна, овеянная легендами, страна великой древней славянской культуры. Однако тюркское владычество на протяжении почти шестисот лет наложило ведь отпечаток на славянский, христианский мир... То, что пережила Болгария, не поддается описанию. Как сейчас чувствует себя в Болгарии турецкая культура? Она существует в виде отголосков – или как-то дружественно ассимилировалась в стране?**

– Многие иностранцы спрашивают, как мы живем совместно с нашими братьями-мусульманами. Обыкновенные люди живут рядом – вместе работают, дружат – очень хорошо, только наши политики пытаются разъединить их. Политическая партия «Движение о правах и свободах» интересуется жизнью своего электората только во времена выборов. Сегодня нет никаких ограничений. Только в город Шумен за сутки въезжают и выезжают 40 автобусов из Турции. В нашем университете есть специальность «Турецкая филология», каждый день на первом канале болгарского телевидения идет выпуск «Новости» на турецком языке. В Шумене находится вторая по величине мечеть на Балканском полуострове Томбул Джамия, после ремонта она выглядит великолепно. Трудно говорить о какой-то культурной ассимиляции, никто не ущемляет права турок, все они считают себя как гражданами Болгарии, так и гражданами Европейского союза.

– **Как вы думаете, кто из болгарских писателей современности является ведущим в болгарской и мировой литературе? В свое время мы запоем читали Павла Вежинова – «Барьер», «Весы», «Ночью на белых конях»... Кто сейчас занял его место?**

– Вопрос довольно сложный. Мой друг из России спросил в письме, забыли ли мы Павла Вежинова. Нет, не забыли, хотя сегодня нет у нас писателя такой величины. Любопытно, что дочь Вежинова написала книгу о софийских трактирах... После этого писателя осталось его любимое детище – журнал «Современник», в котором печатается серьезная болгарская и мировая литература. Журнал выходит регулярно – благодаря одной из болгарских газет.

Принято считать, что лидером современной болгарской прозы является Георгий Господинов, которого переводят и печатают во всем мире.

Мои личные симпатии – к рано ушедшему из жизни писателю Виктору Паскову, его повесть «Баллада о Георге Хенихе» предложено включить в учебную программу болгарской школы.

Успешно работают прозаики Емил Алмазов и Милен Русков. Насколько мне известно, в России в переводе вышла книга Елены Алексиевой «Нобелевский лауреат». Мне особенно приятно, что в России вышли на русском языке два романа моего друга, писателя Николая Табакова. Здесь и мы с Лолой Звонаревой приложили усилия, собираемся выдвигать этого автора на Нобелевскую премию. И в конце хотелось бы отметить роман нашего студента Захария Карабашлиева «Хавра», в котором один из планов сюжета посвящен стилизации дневниковых записей русской дворянки, супруги известного американского журналиста Мак-Гахана, много написавшего о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., принесшей свободу Болгарии.

– Ваши любимые поэты – и в болгарской, и в русской, и в мировой поэзии?

– Мои любимые поэты в болгарской литературе, кроме классиков, – Никола Вапцаров, Елисавета Багряна, Блага Димитрова. Высоко ценю творчество моего ближайшего друга – Любомира Левчева, которого считаю лучшим поэтом нашей современности. Левчева очень хорошо знают в России. Среди русских поэтов первое место занимает Ахматова, дальше следуют Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Давид Самойлов, поэты-шестидесятники.

Присутствовал на совместном рецитале Любомира Левчева и Роберта Рождественского в аule Софийского университета, получил автографы от Юлии Друниной и Булата Окуджавы. Взял большое интервью у Николая Добронравова, организовал совместный творческий вечер Александры Пахмутовой и Яна Френкеля в своем городе. Не забыл слова Яна Абрамовича: «Наконец встретил человека, которому можно посмотреть в глаза не нагибаясь».

Впервые в Болгарии я упомянул имя Иосифа Бродского в научном докладе. С Виктором Куллэ дружим по сей день. Присутствовал на творческих вечерах Александра Кушнера, видел Евгения Рейна, Андрея Вознесенского. И как не вспомнить текст песни «Журавли» Расула Гамзатова; когда много лет спустя удалось побывать во Владикавказе и в ущелье Дарьяла, мне показали памятник семи детям матери, погибшим на войне.

Что касается мировой литературы, здесь трудно указать на одного автора. В первую очередь упомяну представителей французского символизма – это Поль Верлен, Артюр Рембо. Из испанских поэтов – Лорка, из немецких – Гете, естественно. А как пройти мимо поэмы «Пан Тадеуш», мимо славянской поэзии... Коротко об этом не скажешь.

– Что для вас личность, имя, творческое наследие поэта Юрия Кузнецова? В свое время, на фоне сверхизвестных эстрадных поэтов, он все равно был властителем русских дум, в своих работах смело опирался на миф, на символ-знак, на древние, архаические вещи...

– У нас с Лолой Уткириной вышла совместная книга «Творчество Юрия Кузнецова». Невзирая на это, у нас, в Болгарии, мало знают литературное наследие этого русского поэта. Самое сильное впечатление на меня произвел факт, что Юрия Кузнецова уже спокойно называют великим русским национальным поэтом. Думаю, что его произведения, посвященные религии, еще не дождалась своего адекватного прочтения. Критика и литературоведение в долгу перед этим автором.

Слава богу, что его супруга Батима так много делает для памяти Юрия Кузнецова. И в этом нелегком деле сегодня ей помогают ИМЛИ имени Горького, Литературный институт, газета «Литературная Россия». Надеюсь, что эта работа будет продолжаться.

– **Ивайло, как вы относитесь к негласному разделению литературы на книги и, по меткому выражению писателя Юрия Полякова, на книжную продукцию? Может ли в недрах массовой культуры, коммерческого читателя вырасти новый гений? А может так быть, что талантливый литератор в погоне за популярностью сам выбирает для себя стезю дешевого рынка?**

– Я всегда считал, что книги являются частью литературного процесса. Критик Марк Липовецкий как-то жаловался своему отцу, что в Америке ему как раз не хватает баталий литературной жизни. Наверное, и «последний советский писатель» (одноименную книгу прочитал с удовольствием) Юрий Поляков устал от этой борьбы и не стал больше работать в качестве главного редактора «Литературной газеты». Зато после него газета сильно изменилась.

Сможет ли из массовой культуры вырасти новый писатель? Вспомните Ахматову: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Искушение деньгами всегда было сильно. Лев Аннинский рассказывал мне, что как-то оказался на одной радиопередаче вместе с Дарьей Донцовой, и она спросила, знает ли он ее книги. Хорошо, что дочка критика купила несколько ее книг и отец пролистал их. Лев Александрович попытался лестно отозваться о них, но Дарья Донцова ответила: «Ой, не читайте, это плохие книги!» Возможно, это тоже миф.

С другой стороны, у нас проживает писательница Анна Данилова, автор свыше ста книг, печатающихся в таких издательствах, как «Эксмо». Как вы думаете, можно ли считать ее живым классиком? Или упрекнуть в погоне за заработком, хотя она, несомненно, талантливый автор. На мой взгляд, массовая литература всегда существовала, об этом просто не говорили и не писали. Вспомните того же Пантелеймона Романова! Время рассудит, кому остаться в памяти поколений!

– **Вы – крупный литературовед. Но... есть ли у вас собственные художественные тексты? Стихи, проза? Выступаете ли вы как писатель?**

– Отвечу по-другому. У меня был тезка, крупный болгарский писатель, который подписывал мне свои книги так: «Ивайло Петрову – от Ивайло Петрова!» Но у нас был заключен устный договор: мне не писать прозу, а ему – не писать о литературе. Я свято соблюдаю этот договор. Прекрасно помню слова: «Лета к суровой прозе клонят», но пока не поддавался искушению и не обращался ни к поэзии, ни к прозе. Скорее всего, года клонят к мемуарам, все-таки я много повидал на своем веку. Позволю себе только один пример. Несколько лет тому назад к нам приезжал ныне покойный критик Андрей Турков. Мы быстро нашли общий язык, я сделал интервью с ним. Он меня попросил, и я позвонил уже покойной болгарской поэтессе Станке Пенчевой и дал ему трубку. Когда-то у них был роман, о котором критик написал в одной из своих последних книг. Об этом, на мой взгляд, стоит написать. И писателю, и поэту, и критику ничто человеческое не чуждо.

– **На земле тысячи языков, и для того чтобы одному народу прочитать книгу представителя другого народа, надо ее перевести на родной читателю язык. Насколько остро сейчас стоит в мировой литературной практике проблема перевода? Как и кто переводит в Болгарии русскую и мировую литературу?**

– Раньше у нас существовал Союз переводчиков Болгарии. Союз выпускал журнал «Панорама». Ничего этого сейчас нет. По воле судьбы продолжает выходить журнал «Факел», печатающий произведения русских писателей в переводе на болгарский язык. Журнал выходит примерно шесть раз в году. С другой стороны, наши литературы тесно связаны, и поэтому перевод русских книг идет хорошо.

В Нижнем Новгороде Виктор Ерофеев рассказывал мне, что он решил журналу «Факел» напечатать его последнюю вещь «Розовая мышь». Но у нас пока не напечатан роман «Пушкинский Дом» моего друга Андрея Битова.

Иначе обстоит дело с переводами Александры Марининой, Бориса Акунина, Полины Дашковой, Виктора Пелевина – с ними у нас нет проблем. К сожалению, болгарский рынок маленький, на нем невозможно заработать большие деньги продажей книг. С другой стороны, членство в Евросоюзе помогло появлению новой читательской публики, от которой зависят не только наши писатели. Сегодня уже невозможно писать как вчера и надеяться на быструю продажу книг. Но, как ни странно, в прошлом году одно из болгарских издательств продало книгу тиражом 40 000! Это настоящее чудо. Поэтому я не удивляюсь, когда в наших книжных магазинах вижу вывески типа «Интерес к книге возвращается!». Дай бог!

– Кто из современных русских писателей сейчас читаем и известен в Болгарии?

– Известны многие, кого читают – трудно сказать. Того же Акунина, Пелевина, в меньшей степени – Владимира Сорокина, Дмитрия Глуховского, Евгения Водолазкина. Несколько лет тому назад перевели книгу Дмитрия Быкова (вышедшую в России в серии «ЖЗЛ») о Борисе Пастернаке, ее расхватили. То же самое произошло с биографией Сергея Есенина, написанной Станиславом и Сергеем Куняевыми.

Что касается поэзии, мне трудно ответить однозначно. Трудность моего ответа относится только к книжной продукции, к бумажной книге, – ведь на интернет-сайтах у нас печатаются все значимые современные русские поэты. Лично я с удовольствием читаю в интернете русскоязычные стихи Бориса Херсонского. Читателя трудно обмануть, подсовывая ему рифмованные строчки. Он всегда почувствует настоящую, подлинную поэзию, искренность сердца.

– Совсем недавно издатель работал с тиражами книг. Теперь все большую популярность получает технология «книга по требованию» – print-on-demand. Таким образом, книга продается в интернет-магазинах, и читатель покупает либо электронный вариант, либо заказывает книгу, и ему ее печатают и присылают. Как вы думаете, такой порядок вещей победит тиражи? Или бумажная книга на полках магазинов все-таки пока не сдаст позиции?

– На мой взгляд, наши издательства пока работают преимущественно с тиражами. Разговаривал со многими коллегами, я тоже занимаюсь издательским бизнесом, они предпочитают только периодические издания выпускать 50% – в бумажном варианте и 50% – онлайн. Может быть, мы еще не доросли до новых технологий. Есть уже типографии, которые готовы напечатать по одной цене и одну, и десять, и 50 или 10 000 книг. У автора – свой выбор. На мой взгляд, пока люди отдают предпочтение книжному – бумажному – варианту текста. Как говорил один из наших критиков, легче ложиться с книжкой, чем с монитором или планшетом. Вопрос вкуса. Но задумаемся: сейчас печатается так много книг, и неизвестно, куда они деваются. Как в любом маленьком

государстве, для нас уже тираж в 100 книг является нормальным. 30 штук – библиотекам, друзьям, близким и так далее. В начале 1990-х годов у нас были попытки печатать книгу тиражом 100 000, но это произошло лишь однажды.

– Над чем работаете сейчас? Расскажите о ваших нынешних трудах, поделитесь, пожалуйста, творческими планами.

– Всегда вспоминаю Маяковского: «Я планов наших люблю громадь». Хотя этот же классик завещал: «Не юбилейте!», это интервью будет напечатано в начале моего юбилейного сборника «Филология и социальная коммуникация». Надо перевести повесть Павла Кренева «Девятый» и сборник рассказов девушки из Израиля. В основном занимаюсь деятельностью Международного Союза писателей имени святых Кирилла и Мефодия, имею честь быть председателем этой организации. Дел хватает, не скучаю! Вчера встречался в Варне с Алексеем Шороховым. Надо написать несколько рецензий, существуют и другие заботы! Надеюсь, что здоровье не подведет. Должен отправить рассказ одного автора из Шумена Олегу Рябову для журнала «Нижний Новгород». И так далее. Литература – дьявольское дело, не отпускает. Если часто обходимся без лозунга «Ни дня без строчки» – и действительно не пишем ни строчки, то без прочтения хотя бы одной строчки в день невозможно жить...

– И напоследок: о чем вы мечтаете? Эта мечта может касаться не только книг, не только литературы... но, конечно, и ее тоже!

– Дорогая Елена, вспомните песню: «Мечты сбываются!» Когда-то один из болгарских поэтов написал примерно так: «Мечтаю о ватнике теплом, когда на дворе холодно!» Мечтаю о здоровье, о возможности еще кое-что сделать на этой грешной земле.

Вероятно, сильно похвалил себя в некоторых ответах, поэтому хочется завершить мои ответы словами поэта Сергея Гандлевского, моего друга в «Фейсбуке»: «Зная себя как облупленного, скажу, что имел и имею больше, чем заслуживаю!»